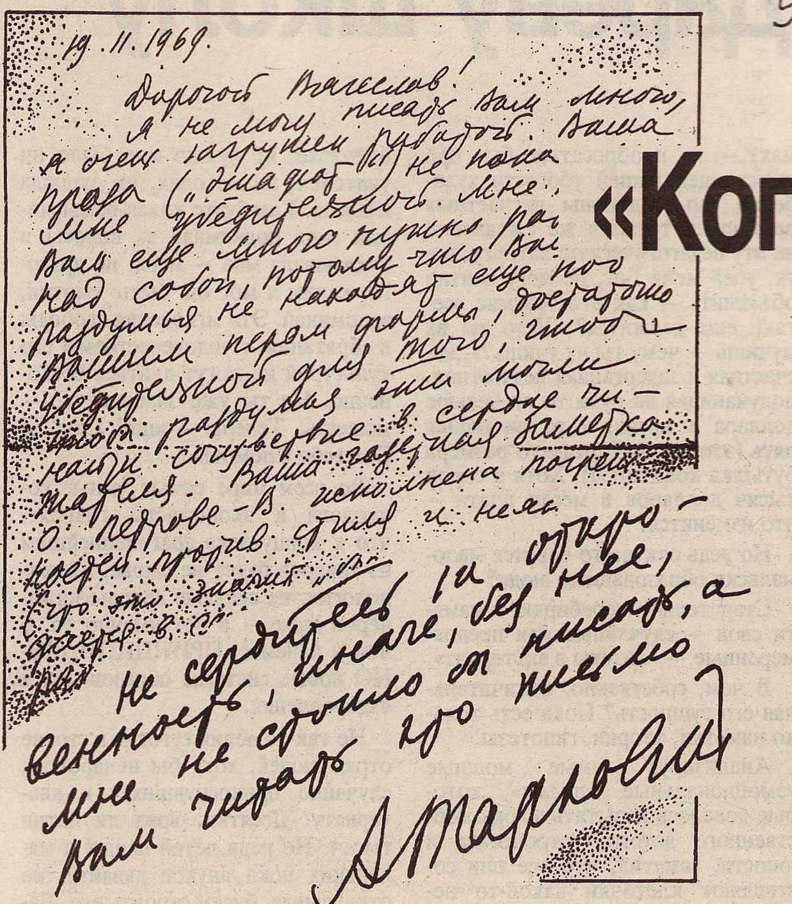
Тарковский А. 21.1.92.

Александр ФУРСОВ *В его рабочей комнате тесно от книг и журналов, впрочем, как и должно быть в библиотеке. Я внимательно разглядываю корешки: сколько дорогих мне имен, сколько знакомых названий. Вячеслав достает из ящика стола пакет, протягивает мне письма и продолжает свой рассказ. Я слушаю. А стекла дребезжат: куда-то бегут и бегут тяжелые составы*

Учительская газета. – 1992. – 21 янв. – с.15

«Когда отыскан угол зренья...»



Они никогда не встречались — Арсений Тарковский и Вячеслав Улитин, но сказать, что они незнакомы — не скажешь. Они переписывались. Однажды Арсений Александрович пригласил Вячеслава к себе, но тот не поехал. Сейчас жалеет.

Первый сборник Тарковского «Перед снегом» вышел в 1962 году, когда автору было далеко за пятьдесят. Вячеслав купил книгу случайно (ему шел двадцатый год, и он уже ворожил над словами). Потрясение было столь велико, что он написал письмо поэту. Когда через месяц пришел ответ,— это было второе потрясение. Вячеслав долго переживал это событие. Письмо носил у сердца — «до дыр заносил».

«Вам следует преодолеть неуверенность при пользовании тем или иным стихотворным размером. Вас порой подводит слух. Так, в ямбическом стихотворении «Как будто бы склонясь над дневником...» строки «снег пишет наклонно» и следующая за нею — не ямб, а чуждый ему трехдольник. Принципиально такие отклонения от основного стихотворного размера возможны (так у Тютчева: «Когда на склоне наших лет...», напр.), но они должны быть оправданы инерцией стиха... Итак, вы делаете ошибки против основных условий нашего искусства. Вы ошибаетесь в том, что касается ритма стихотворения... Вы изобретаете термины («первобуква»). Этого не надо делать: русский язык обладает всем — и даже более, чем всем,— что должно выразить любое понятие». (Из писем Арс. Тарковского В. Улитину).

Это письма Учителя к ученику, но как равного к равному, ибо и тот, и другой посвятили себя «тому подвигу, которым называется поэзия».

Но что такое поэзия? Как определить ее?

Она — проявление высшей жизни, которая и есть гармония. Поэзия — это гармония. В нашем земном мире правит хаос — все мы действуем, а всякое действие — это разрушение первозданной гармонии мира. Мы думаем, что только действуя, можно идти вперед. Действительно, как действовать, не действуя, двигаться, не двигаясь, **«гореть, не горя»**. (Выделенные строки из стихотворений Арс. Тарковского.— **А. Ф.**). Мудрецы учат, что истинный покой лишь в движении. Двигаться, но оставаться в покое. Говорить, но молчать... Мы — деятели, может быть, в этом наша основная ошибка, но осознать эту ошибку мы не вольны, потому что мы еще дети, а младенец не осознает себя.

Мы — дети, **«еще в скорлупе мы висим, мы ранняя проба природы», «и эта жизнь — плакун-трава пред той широкошумной рощей».** Мы живем в дисгармоничном мире, но если есть мир дисгармонии, то должен быть мир гармонии, если есть деревце, то должна быть «широкошумная роща».

Как рождается поэзия? В молчании, в единословии сердца. Человек — страж своего Слова. И чем он немногословней, тем гармоничнее его внутренний мир: единословие ум собирает. Нас, людей, можно уподобить словам внутри каждого, словам зреющим, невысказанным. Мы — невысказанные слова внутри Кого-то. Мудрецы говорят редко. А этот кто-то — еще реже: Он мудрейший из мудрых. Но когда молчит поэт — «песня зреет». Он зреет в каждом из нас и выговаривает нас поодиночке. Мы — слова, мы — выговариваемые Им, входим в его поэзию, Его гармонию, но чтобы войти, надо созреть внутри Его, пронести свой жизненный крест до конца, как бы тяжел он ни был. И те, кто здесь, на земле, по словам Вл. Соловьева, «слышат отзвук отдаленный торжествующих созвучий», видят **«души поездов»**, кто **«поет хвалу тому, кто потерял себя»,—** найдут себя, ибо уже приобщены к Гармонии космоса.

Вячеслав Улитин пришел к вере в двадцать шесть лет. Это была пора студенчества. Они искали себя: кто в ницшеанстве, кто в марксизме, а объединило всех православие. Тогда родилось их братство. Собирались. Борис Сорокин (сейчас служит в одном из московских храмов псаломщиком) открывал Евангелие и читал. Сорокин умел красиво говорить о свете, говорить о том, что трудно, почти невозможно определить, передать словами — это завораживало, удивляло, наполняло и переполняло любовью.

Религиозные собрания не приветствовались. Им приходилось оглядываться. Скрываться и скрывать свои взгляды. Но они терпели. Они знали цену словам — смирение, кротость, которые в древнерусском языке звучат не иначе как добропокорение, добросмирение.

После окончания Владимирского пединститута Вячеслав Улитин преподавал в детской художественной школе. Он работал с любовью, верней,— работа была его любовью. Вот некоторые из тем, которые Улитин предлагал ученикам для сочинений: «Как вы представляете мир Борисова-Мусатова?», «Купание Красного коня» Петрова-Водкина». Следовал не программе, но своему сердцу.

Вячеслав считает, что существуют мужская и женская культуры. Поэтому с мальчиками он долго обсуждал первобытное искусство, наскальные рисунки, где, по его мнению, резко выражено мужское начало, искусство древних цивилизаций. С девочками говорил о другом — о цвете, об узорах...

Рассказывал о творчестве Цветаевой и Рильке, Ахматовой и Солженицына.

Одна из девочек записала в дневнике: наконец-то появился Учитель. Мать прочитала, узнала о творчестве каких писателей рассказывает Улитин, заявила в КГБ. Уволили по статье — несоответствие занимаемой должности.

Уехал к другу в Сибирь. Как-то пришел в себя — потеря любимой работы разве не потрясение?! Но всякое потрясение — радостное или горькое — христианином переживаемо одинаково — с болью, с душевным напряжением. Это потрясение заставило Вячеслава еще глубже заглянуть в себя.

Вернулся во Владимир. На работу нигде не берут. С такой статьей — где уж! Разве что сторожем. Пошел сторожем. Что сторожил? Туберкулезный диспансер. Мебельную фабрику. На мебельной тащили, кто что мог. Решил как-то воспрепятствовать. Его предупредили — смотри, головы не высовывай, оторвут. Больше не стал.

По ночам читал, писал стихи. Как-то с другом-поэтом они собрали лучшее из написанного и поехали в столицу показать, посоветоваться. Зашли в редакцию одного «толстого» журнала, другого... и решили больше не повторять таких поездок: всюду откровенное пренебрежение и даже полухамство.

А Тарковский ответил. Гордость как самомнение была вне его философии. Как его любимый Григорий Сковорода, он был **«горделивым смиренником»** и вопрошал **«придешь ли, милосердный самарянин, повить меня твоим прохладным льном»**, потому что знал: очень многие нуждаются в сердечной помощи и духовном наставничестве. Он не мог не ответить на искреннее письмо Улитина.

«Вам не надо (рано еще) пытаться «пробивать» свои стихи, пробовать их печатать. Спокойно пишите, учитесь писать, успех сопутствует вдохновению, только подкрепленному напряженным и длительным (многолетним) трудом. Нужно и психологически готовить себя к тому подвигу, которым называется поэзия. Она не только умение рифмовать, но и принцип жизни». (Из писем Арс. Тарковского В. Улитину).

...В 70-е годы удалось устроиться в Дом художественного творчества. Занимался фольклором, собирал песни, частушки, сказки. Тогда еще были люди — носители духовного богатства народного, а сейчас таких почти и не осталось. Общение с ними доставляло огромное удовольствие, наслаждение — как с горы на санках скатываешься. Это сравнение Вячеслав приводит, когда говорит о сути ритуала, обычая, который, по его словам, апогей накопленного духовного опыта, та горка, с которой скатываешься и обретаешь радость:

Снегов искрится позолота,
луна трубит в промерзший рог,
такого звездного полета
с тех пор я повторить не смог.

Он понимал, что всякое сказанное слово — важно, что когда-то слова жили своей особой жизнью и помогали людям, в них был свой магнетизм, свое притяжение, ибо являлись они в мир из сердечных недр. Как-то ехал в автобусе: пьяные, грязный разговор; старушка вошла, сказала тихо: «Светленького вам!» Как все изменилось вдруг, лица людские прояснились, посветлели. А всего-то два слова... Теперь же слова ничего не значат, слишком много слов не из сердца: **«мне опостылели слова, слова, слова...»**

Некоторое время поработал в обществе охраны памятников. Но тоже пришлось уйти. И где бы ни работал, боялся стука в дверь. Знакомые при встрече отворачивались, не узнавали.

И вот последние несколько лет Улитин работает в железнодорожной библиотеке. Из города не выгнали, но дали понять, что это может произойти в любой день, в любую минуту. Среди книг он почувствовал себя свободно. Радовался каждому возвращенному имени — а сколько имен вернулось в отечественную культуру за последние годы! Для Вячеслава это были старые знакомцы: русских философов, к примеру, он читал по дореволюционным изданиям. А сердце его волновалось оттого, что теперь многие и многие возьмут в руки эти книги.

«Чтобы стать поэтом (настоящим поэтом!), Вам, по-моему, надо: попытаться из всех сил овладеть максимумом из того, что человеческому духу и сердцу представляет с такой щедростью культура, попытаться писать, не делая себе поблажек, это значит, что нельзя позволять ни рифме, ни стихотворному размеру уводить себя от цели стихотворения, предуказанной замыслом. Вы пытаетесь писать сложно, многопланово, метафорически, не научившись писать просто, строить стихотворение в одном плане, без метафорических излишеств. В начале поэтического пути надо помнить одну простую истину: кратчайшее расстояние между двумя точками (от замысла к цели стихотворения) — прямая. Не отвлекайтесь в сторону ни ради рифмы, ни ради кажущейся блестящей метафоры. В стихотворении только то хорошо, что служит общей цели, соответствует выполнению замысла». (Из писем Арс. Тарковского В. Улитину).

Я спросил у Вячеслава, есть ли у него материал о жизни Арсения Тарковского, буднях его. Он недоуменно улыбнулся и сказал: «Меня в Тарковском интересовало прежде всего внутреннее — поэзия, дух, а внешняя сторона все-таки была второстепенной. Знаете, мама у меня умерла рано, через год не стало и отца. Чувство сиротства тогда было всеобщим — война, репрессии. И я мучительно переживал его. Искал наставника, духовного прежде всего. И нашел его в Арсении Александровиче. Это великий поэт. Он органически впитал в себя всю русскую поэзию — от Державина до Хлебникова. Он пытался запечатлеть, остановить время. Не случайно и фильмы его сына Андрея такие замедленные. Они — отец и сын — суть кентавр. У них — слитая воедино поэтика. Если бы не Тарковский, я бы не состоялся как человек. Благодаря ему и дочь свою Сашу включил в духовный поток».

Я намерена жить
только здесь, где сирень отцветает,
здесь, где птицы больные летают,
где давно ни о чем не мечтают
я намерена жить.
...я живу только здесь,
где все смешано: пыль со слезами,
где мечты остаются мечтами,
где коробки назвали домами,
я живу только здесь.

(Из стихов Александры Улитиной, 13 лет).

В поэзии Арсения Тарковского есть настоящие прорывы — в метакосмос, в метафизику. Его стихи перекликаются с евангельскими откровениями, с сочинениями святых отцов, с мыслями последователей Конфуция и Будды. Его творчество еще раз подтверждает мысль: в мире хаоса, где мы живем,— истоки новой гармонии. Но истинный вкус не ощущается, истинная суть не видна: **«слово лучше у немого и ярче краска у слепца, когда отыскан угол зренья и ты при вспышке озаренья собой угадан до конца».** Он пережил это озарение и теперь освещает путь Вячеславу Улитину, дочери его Сашеньке, многим другим людям.

P.S. Вячеслав Улитин с конца прошлого года преподает в Суздальском художественно-реставрационном училище историю культуры. Свою первую лекцию он назвал «Отреставрировать лик России».

Всё и все возвращаются на круги своя.

■ Владимир — Москва

92